

УДК 711.01/09

Ю.Д. Старостенко – аспирант**Московский архитектурный институт (Государственная академия) – МАРХИ****НОВЫЙ ЦЕНТР МОСКВЫ В 1920-1930-е гг.****АННОТАЦИЯ**

Исследование посвящено проблемам реконструкции Москвы 1920-1930-х гг. Освещаемые в данной работе основные этапы разработки проекта перепланировки города от планов «Новая Москва» и «Большая Москва» до Генерального плана 1935 года, предложения по перепланировке города времени градостроительной дискуссии 1929-1930 гг. рассматриваются в связи с концепцией реконструкции центра Москвы, формирование которой началось в начале 1920-х гг. и продолжалось вплоть до утверждения Генерального плана 1935 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Генеральный план, реконструкция, перепланировка.

Yu.D. Starostenko – post-graduate student**Moscow Architectural Institute (State Academy)****THE NEW CENTRE OF MOSCOW IN 1920-1930s****ABSTRACT**

The research covers the problems of reconstruction of Moscow of 1920 – 1930s. The main stages of elaboration of redevelopment project, from "New Moscow" and "Big Moscow" plans to General plan of 1935; and proposals of city redevelopment in the light of urban planning discourse of 1929-1930 years, are considered in connection with the concept of the reconstruction of the centre of Moscow, which had begun in early 1920s and had continued to the General plan approval in 1935.

KEYWORDS: Master plan, reconstruction, redevelopment.

1920-е гг. вошли в историю Москвы исключительно как годы, когда появились наиболее радикальные проекты преобразования города, в то время как 1930-е гг. чаще всего ассоциируются с реализацией Генерального плана 1935 года и кардинальным преобразованием облика города. Однако в истории Москвы первых десятилетий советской власти далеко не все так просто и однозначно. Все «революционные» проекты преобразования города появились лишь в самом конце 1920-х гг., когда на волне провозглашенных индустриализации и коллективизации начался поиск новых путей социалистического расселения, отвечающего установке об уничтожении различий между городом и деревней, мечте о создании нового советского человека, а реальная реконструкция центра Москвы началась задолго до принятия Генерального плана и в ее основе лежала концепция, формирование которой началось еще в 1920-е годы. Более того, вся история преобразований Москвы первых десятилетий советской власти, даже идеологемы тех лет, в большинстве своем имеют очень глубокие корни в дореволюционной истории двух крупнейших городов Империи, двух столиц – Москвы и Петербурга.

Строительство железных дорог изменило пространственную структуру городов. Из-за боязни «адского шума» вокзалы строились на окраинах. Вокруг них начинали формироваться локальные городские центры, усиливалось значение улиц, ведущих от вокзалов в центр города. Здесь начинала развиваться торговля, появлялись многочисленные конторы. Моноцентричный город становился полицентричным, а прежде компактный исторический центр начинал разрастаться вдоль главных радиальных улиц. Проблема заторов на улицах, ведущих к вокзалам, становилась все актуальнее. Самым проблемным в Москве стало направление центр – Каланчевская площадь, поскольку на этой площади были сосредоточены вокзалы сразу трех железных дорог. Мясницкая улица не справлялась с все нарастающим транспортным потоком, что стало причиной появления целого ряда проектов, предусматривавших прокладку широкого прямого проспекта, напрямую соединяющего Каланчевскую и Лубянскую площади. Самый грандиозный вариант такого проспекта был предложен инженерами П.И. Балинским и Е.К. Кнорре в их знаменитом проекте метрополитена для Москвы (1902 г.). По замыслу

инженеров, центральная часть будущего проспекта Николая II отводилась под эстакады метрополитена, а по сторонам магистрали инженеры-предприниматели намеревались возвести доходные дома и конторские здания для последующей продажи и сдачи в аренду. Фактически городу передавалась лишь проезжая часть новой магистрали шириной около 60 метров, хотя под ее проложение инженеры просили выделить полосу шириной около 200 метров. Такие чрезмерные притязания стали одной из причин, по которым городские власти отклонили предложенный проект*. Другой причиной был намечавшийся снос памятников московской старины – церковей и гражданских построек – против чего возражало уже Московское археологическое общество, созданное в 1864 г. и ревностно оберегавшее облик Москвы «сорока сороков».

Интерес к исторической Москве во второй половине XIX в. был обусловлен многими факторами. На протяжении полутора веков, после переноса столицы в Санкт-Петербург, Москва, далекая от идеалов регулярного градостроительства, воспринималась как столица российской провинции. Попытки придания городу более классицистического облика, соответствующего идеалам эпохи абсолютизма, успехом не увенчались. План регулирования, составленный в 1775 г. Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, предусматривавший создание регулярных ансамблей вокруг Кремля, осуществлялся крайне медленно. Владельцы участков, на месте которых в соответствии с планом должны были появиться новые площади и улицы, не стремились продавать их казне. Лишь после пожара 1812 года, когда центр города выгорел практически дотла, в соответствии с переработанным к 1817 г. планом началось создание классицистической Москвы.

Однако, пожар города, победа над Наполеоном положили начало и совсем иным тенденциям. Интерес к собственной истории, осознание самобытности стали неотъемлемой частью культуры тех лет. Первым зримым воплощением этих тенденций в Москве стал храм Христа Спасителя в формах «византийской архитектуры» (по определению того времени), заложенный в 1832 г. недалеко от Кремля. Пока шло строительство храма, завершилось формирование ансамбля самой регулярной площади Москвы – Театральной. В 1858 г. с храма были сняты леса, что ознаменовало переломный момент в истории Москвы. Отмена обязательного на протяжении многих лет строительства по образцовым фасадам привела к появлению многообразия форм и стилей, которых не знала предшествующая эпоха.

В это же время начался бум железнодорожного строительства, превративший город в торгово-промышленную столицу Империи. Облик города теперь определяли не государственные заказы, а заказы

московского купечества, нового поколения предпринимателей и промышленников, которые хотели подчеркнуть исключительность Москвы, ее отличие от «казенного» Петербурга. После Политехнической выставки 1872 года в Москве прочно утвердился «русский стиль». За последние несколько десятилетий XIX века в этом стиле был перестроен практически весь ансамбль Красной площади. Однако, уже в 1904 г. стараниями архитектора И.А. Фомина классицистическая Москва была «открыта» вновь, а с конца 1900-х гг. в Москву начинает проникать неоклассицизм, зародившийся в Петербурге в ответ на попытки придать столице облик «русского» города путем строительства храмов в «русском стиле». При этом нерегулярная планировочная структура Москвы с неширокими извилистыми улицами оставалась прежней. Попытки ее регулирования на основании высочайше утвержденных планов встречали сопротивление домовладельцев, которые не стремились безвозмездно передавать городу под расширение улиц участки собственных владений, освобождавшихся после перестройки зданий в соответствии с новыми красными линиями. Москва продолжала развиваться как средневековый город путем повышения этажности, уплотнения застройки и застройки пустырей. Зелени становилось все меньше, что вызывало беспокойство гигиенистов и теоретиков городского благоустройства, появившегося в России в качестве самостоятельной науки в начале XX века.

В это время осознание сложности функционирования больших городов, взаимосвязи их жилищных, транспортных, планировочных проблем и проблем эстетического характера привело к тому, что в Петербурге архитекторы и инженеры заговорили о необходимости составления единого проекта преобразования города, включавшего как проект перепланировки города, планировки пригородов, так и проект метрополитена. Такой проект был разработан в 1909-1912 гг. по инициативе инженера путей сообщения Ф.Е. Енакиева совместно с архитекторами Л.Н. Бенуа и М.М. Перетятковича, но дальше проекта дело не пошло. Лишь в 1916 г. Л.Н. Бенуа удалось привлечь внимание властей к этой проблеме, но события 1917 г. прервали как сбор материалов, так и подготовку к конкурсу на проект перепланировки Петрограда**.

*Проект Балинского и Кнорре не был единственным проектом метрополитена для Москвы. Проекты внеуличных железных дорог, призванных связать между собой московские вокзалы и разгрузить центр города от транзитного движения, начали появляться еще в конце XIX в., и вплоть до самой революции такого рода предложения не переставали разрабатываться (проекты Антоновича, Руина и т.д.). Однако в большинстве своем они не предполагали коренных изменений планировочной структуры города, как в проекте Балинского и Кнорре.

**Петербург был переименован в Петроград с началом Первой мировой войны в 1914 году.

После февральской революции казалось, что смена политического режима дает возможность осуществить самые грандиозные проекты и начинания, целью которых является улучшение жизни людей. Однако, октябрь 1917 г. и последовавшие за ним события перевернули жизнь страны еще раз. Мечта теоретиков городского благоустройства и неоклассицистов Петрограда об отмене частной собственности, которая, по их мнению, стесняла любую инициативу в деле преобразования городов, осуществилась, но в создавшихся условиях на кардинальные преобразования города в обозримом будущем рассчитывать не приходилось, а в 1918 году столица и вовсе была перенесена в Москву.

Сотрудников партийно-правительственного аппарата, перебравшихся в Москву весной 1918 года, после Петербурга город поразил своей провинциальностью и грязью. В новой столице не хватало административных зданий, и переехавшие в Москву сотрудники различных ведомств размещались в гостиницах и доходных домах в центре города, преимущественно на площадях вокруг Кремля и Китай-города и на Тверской улице [1]. Облик Москвы пытались на скорую руку преобразовать установкой отдельных монументов по Плану монументальной пропаганды, украшением города к различным революционным праздникам, но многочисленные купола храмов, все еще возвышавшихся над городом, не соответствовали

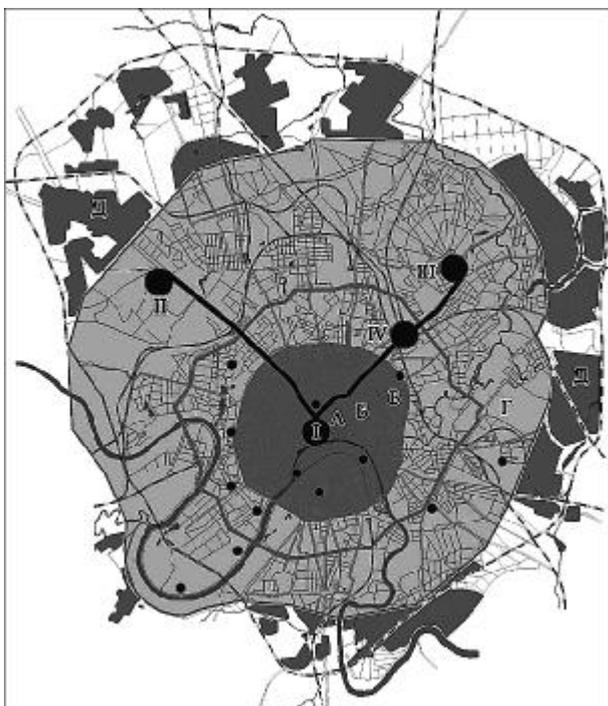

Рис. 1. Схематическое изображение плана «Новая Москва». 1918-1923 гг. На схеме означены: I – Исторический центр, II – Правительственный центр, III – Общественный центр, IV – Транспортный центр. А – Золотой город, Б – Белый город, В – Земляной город, Г – Красный город, Д – пояс «городов-садов»

облику столицы мировой революции. Однако проблемы городского хозяйства, пришедшего за время войн и революций в упадок, затмевали проблемы эстетического характера.

Провозглашенный отказ от всей предшествующей истории и всего предшествующего искусства был лишь декларацией. Безусловно, были и те, кто воспринял революцию как возможность заявить о себе и своем творчестве, но многие мастера не могли, да и не стремились в одночасье отказаться от прежних убеждений. Опыт и знания этих мастеров, несмотря на их «неправильные» убеждения были востребованы новой властью. Именно мастера старой школы – А.В. Щусев и И.В. Жолтовский – возглавили разработку проекта перепланировки Москвы, которая началась в архитектурной мастерской Моссовета уже в 1918 году.

Скорее всего, сама идея скорейшего создания плана преобразования города была позаимствована из предреволюционного Петрограда. В качестве одного из консультантов к разработке проекта был привлечен Дубелир – известный теоретик городского благоустройства, который занимался вместе с Л.Н. Бенуа подготовкой материалов для разработки подобного плана для Петрограда в 1917 году. В основу плана «Новой Москвы», как впоследствии был назван проект, легло утвердившееся в трудах теоретиков городского благоустройства начала XX в. представление о том, что радиальная или паутинная планировочная структура Москвы является идеальной для большого города. Главным и едва ли не единственным недостатком московского варианта этой планировочной системы были признаны стихийно сложившиеся кривые и узкие улицы города, которые в соответствии с новым планом предлагалось исправить путем расширения и спрямления. На словах такого рода преобразования не предвещали радикальных перемен, но на деле подразумевался снос практически всей старой застройки, за исключением памятников московской старины и московского классицизма, которые предполагалось сохранять и окружать зеленью.

В плане «Новая Москва», который был окончательно доработан уже в 1923-1924 гг., было много противоречий. В основу плана была положена идея моноцентричной планировочной структуры, что не помешало авторам проекта выделить несколько главных центров города: исторический – в Кремле, торговый – в Китай-городе, правительственный – на Ходынском поле, общественный – в Сокольниках и транспортный – на Каланчевской площади. Расширяемые радиальные улицы, главными из которых оставались Тверская и Мясницкая, должны были связать правительственный и общественный центры с историческим. В то же самое время авторы проекта постоянно стремились к максимальному исправлению планировочной структуры города, к ее идеализации путем замыкания Бульварного кольца в Замоскворечье

и проектирования нового бульварного кольца В, которое лишь частично «использовало трассу Камер-Коллежских валов, исправляя их эксцентрическое отклонение от правильной окружности» [2].

Предложения авторов плана «Новая Москва» о выделении отдельного правительственного центра не отвечали реальному положению вещей. После того, как в 1918 году все крупные общественные здания в Китай-городе и на прилегающих площадях были заняты конторами и ведомствами, именно здесь сформировался политический центр города. Поэтому не случайным было решение построить главное административное здание Москвы – Дворец Труда – именно в этом новом центре на месте Охотного ряда. Конкурс на проект Дворца Труда, прошедший в 1922-1923 гг., стал поводом для первой крупной дискуссии различных политических доктрин, но он еще не был чрезмерно политизирован. Процесс идеологизации мероприятий по реконструкции города лишь начинался.

С проведением конкурса на проект Дворца Труда совпало оформление нового государства Союза Советских Социалистических Республик на Первом съезде Советов СССР в декабре 1922 года. На этом съезде С.М. Киров произнес речь, в которой предложил увековечить достижения новой власти строительством в Москве грандиозного здания-памятника – Дворца СССР. Почти сразу же этот предполагаемый дворец и проектировавшийся Дворец Труда слились в единое сооружение, и в 1924 г. в статье «Москва будущего» Щусев говорил уже о Дворце СССР, возвышающемся на месте Охотного ряда [3].

Конкурс на проект Дворца Труда был признан не вполне удачным. Было принято решение провести повторный, уже международный конкурс, но в 1923 г. эта идея так и осталась не реализована. В январе 1924 г. умер Ленин. На Красной площади появился первый деревянный Мавзолей, и практически сразу же комиссией по увековечиванию памяти вождя, которую возглавлял Л.Б. Красин, была разработана программа увековечивания, предусматривавшая реконструкцию центра города. Согласно этой программе на месте временного Мавзолея должен был появиться постоянный, при этом Красин отвергал идею совмещения гробницы и памятника вождю. В связи с предполагавшейся постройкой Дворца Труда в Охотном ряду Красин предлагал устроить от Дворца вплоть до храма Христа Спасителя сквер или авеню «25 Октября», как и намечалось по плану «Новая Москва». Однако Красин предлагал продолжить этот сквер дальше, как широкий проспект имени Ленина вдоль левого берега реки Москвы. Проспект должен был пересечь Москву-реку и достичь Воробьевых гор, которые предлагалось переименовать в Ленинские. Они должны были превратиться в памятник Ленину, в его музей. Здесь должны были располагаться Дворец имени Ленина, с музеем, библиотекой, залы для лекций, открытые площадки для всех видов спорта и т.п. [4].

Через месяц свое развитие идеи комиссии по увековечиванию памяти Ленина предложил один из самых ярких архитекторов-рационалистов – Балихин. Он, как и Красин, предлагал проложить широкую магистраль от Красной площади до Воробьевых гор, выступал против идеи совмещения гробницы и памятника и предлагал возвести грандиозное здание-памятник Ленину на месте храма Христа Спасителя [5]. В 1924 г. это предложение Балихина, показавшееся чрезмерно нереальным и абсурдным, так и не было опубликовано. В начале весны 1924 г. был построен второй деревянный Мавзолей, который простоял до 1929 г. Идея сооружения некоего главного здания Москвы и всей страны, которое стало бы новым центром столицы, на протяжении всех 1920-х гг. продолжала разрабатываться в студенческих проектах ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа. В студенческих проектах 1927 г. развитием идеи монументального проспекта имени Ленина стало проектирование здания грандиозной библиотеки имени вождя на трассе предполагаемого проспекта. Через год был проведен громкий конкурс уже среди практикующих архитекторов, по результатам которого лучшим был признан проект ленинградского архитектора-академиста В.А. Щуко. В рамках той же концепции Л.Б. Красина в конце 1920-х гг. намечалось развитие Центрального парка культуры и отдыха на месте Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. Первые проекты перепланировки парка, территория которого должна была расширяться за счет Ленинских гор, Лужников и Хамовников, были выполнены студентами в 1929 г.

Таким образом, в конце 1920-х гг. в соответствии с некогда озвученной Красиным концепцией

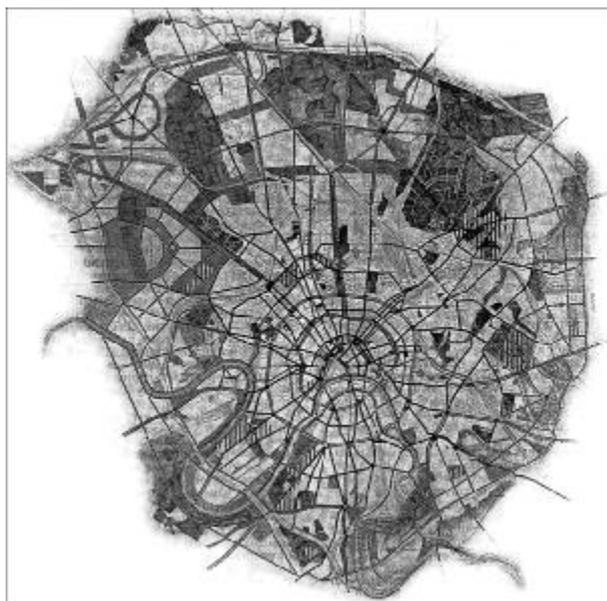

Рис. 2. Схема перепланировки Москвы, разработанная МКХ. 1927-1929 гг.

реконструкцией центра проектировались и даже строились здания. Между тем, сама идея сохранения планировочной структуры, лежавшая в основе всех ранних проектов по перепланировке города, начала подвергаться сомнению. В 1921-1925 гг., практически одновременно с планом «Новой Москвы» инженером Шестаковым был разработан план «Большой Москвы», который предполагал существенное расширение территории города и распространение на новые территории радиально-кольцевой планировочной структуры Москвы. В 1927-1929 гг. уже в структурах Московского коммунального хозяйства (МКХ) был составлен еще один проект перепланировки столицы. Как и в предыдущих проектах, его основополагающими положениями были: сохранение планировочной структуры города, расширение и спрямление улиц, озеленение города и, кроме того, проложение улиц-дублеров для наиболее перегруженных главных улиц города – Мясницкой, Тверской и Арбатской. Кремль и Китай-город рассматривались уже исключительно как политический и административный центр города. В отличие от плана «Новая Москва», план МКХ предусматривал снос гораздо большего числа зданий не только в «русском стиле», но и церковей XVII в., предполагаемый снос которых в проекте метрополитена Балинского и Кнорре наделал столько шума в 1902 г.

Скорее всего, реакцией именно на этот проект стало предложение по реконструкции города, вошедшее в историю Москвы как «парабола Ладовского» и разработанное в 1928 г. Ладовский предлагал, сохранив в неприкосновенности старую Москву в пределах Бульварного кольца (впоследствии эта часть города должна была стать музеем), разорвать остальные кольца города и дать ему свободно расти на северо-запад по оси Тверская – Ленинградское шоссе, которая мыслилась новым динамическим центром Москвы. На самом деле, и по плану «Новой Москвы», и по плану МКХ от исторического города, понимаемого как совокупность исторической застройки, должен был остаться лишь Кремль и отдельные выдающиеся сооружения, хотя они и провозглашали сохранение планировочной структуры города. Примерно те же фрагменты должны были остаться от Москвы и по проекту Гинзбурга, который предлагал превратить старый город в гигантский парк. Отказ от прежней планировочной структуры или ее коренное преобразование стали основой многих проектов времени градостроительной дискуссии, развернувшейся на рубеже 1929-1930 гг. Однако, на реальную жизнь города эти проекты не оказывали никакого влияния. О необходимости проведения скорейшего конкурса на проект перепланировки столицы говорилось не раз, но Москва продолжала перестраиваться в соответствии с красными линиями, установленными планом МКХ.

1931 год стал во многом поворотным в истории перепланировки Москвы, прежде всего потому, что с этого момента все мероприятия по реконструкции города, даже исключительно утилитарные, начнут получать мощное идеологическое звучание. Решение о строительстве Дворца Советов и решение июньского Пленума ЦК ВКП(б) о городском хозяйстве Москвы, будучи частью большой политической игры, целью которой было укрепление власти Сталина, долго и тщательно подготавливались. Еще до Пленума по заказу городских властей было разработано несколько вариантов перепланировки города, известные архитекторы были привлечены к поискам места под Дворец Советов и разработке его предварительного проекта. Дворец Советов, который был фактически воплощением идеи, озвученной в 1922 г. Кировым, предлагалось возвести на площади Охотного ряда, напротив того места, где некогда проектировался Дворец Труда, но идеологические аспекты взяли верх, и памятник новой эпохи было решено построить на месте храма Христа Спасителя, как и предлагал некогда Баляхин [6].

Все прежние проекты перепланировки города были официально раскритикованы, но при этом многие предшествовавшие наработки легли в основу того плана реконструкции Москвы, разработка которого началась после июньского пленума. В конце концов проведенный в 1931-1932 гг. конкурс на проект перепланировки Москвы не оказал на основной проект какого-либо заметного влияния. Вне зависимости от того, выступали авторы проектов за сохранение старой планировочной структуры Москвы или за ее преобразование, все конкурсные проекты предусматривали фактически полное уничтожение

Рис. 3. Схема Генерального плана реконструкции Москвы. 1935 г.

старой застройки Москвы. Кроме того, большая часть этих проектов вступала в противоречие с уже фактически оформившейся концепцией реконструкции центра города, ведь идея создания монументального проспекта – Аллеи Ильича – в связи с началом проектирования Дворца Советов приобрела еще большую актуальность. Лишь в проекте бригады ВОПРА магистраль Мясницкая – Аллея Ильича рассматривалась как главный диаметр всего города, его административный и просветительский центр.

К моменту завершения конкурса в Архитектурно-планировочном управлении Моссовета уже практически был готов «официальный» проект реконструкции города. Именно этот план, предусматривавший прокладку новых колец, в том числе и дублирующего полукольца через Кузнецкий мост, замыкание Бульварного кольца в Замоскворечье, прокладку улиц-дублеров для все также перегруженных основных магистралей, дорабатывался на протяжении последующих трех лет, вплоть до пафосного утверждения в июле 1935 года уже в качестве Генерального плана реконструкции Москвы. За время его доработки основополагающей идеей плана стала идея магистральной застройки, т.е. парадная застройка магистралей монументальными зданиями в целях создания облика, достойного столицы СССР. Реконструированная в связи со строительством канала Москва-Волга Москва-река трактовалась как главная магистраль столицы, что не было случайным: образцом реконструкции Москвы стал имперский Петербург. На набережных должны были вырасти самые монументальные здания города, в т.ч. и Дворец Советов.

Дворец Советов также проектировался не столь быстро, как это предполагалось изначально. Дворец намечалось открыть в 1934 году, однако после открытого конкурса 1931 г. понадобилось еще два тура закрытого конкурса и год доработки, чтобы в феврале 1934 года был утвержден лишь архитектурный проект здания-памятника в 415 м, увенчанного фигурой Ленина высотой 80 м. Все то время, пока шло проектирование Дворца Советов, разработчики проекта перепланировки города пытались решить задачу совмещения исторической планировочной структуры и нового центра, каким мыслился Дворец Советов. Аллея Ильича, или Проспект Ильича, рассматривались в рамках плана как одна из главных магистралей столицы, как расширенный центр города, который должны были украсить прекрасные и монументальные здания. Как и в замысле Красина, проспект вел на Ленинские горы, но уже не по берегу Москвы-реки, а прямо по оси Дворца Советов, прорезая существующую застройку.

В реальности город прекрасного завтра, созданный в архитектурных проектах, образ которого активно пропагандировался в газетах, журналах и фильмах, так и остался городом-мифом. Идея скорейшей

реконструкции одной-двух магистралей для демонстрации будущего облика Москвы, возникшая в 1932 г., воплотилась в сносе стены Китай-города (1934 г.); в реконструкции Охотного ряда, где в 1931-1938 гг. была построена гостиница «Москва» (и то лишь корпуса по улице Горького, Охотному ряду и частично по площади Революции) и здание Комитетов Совета Труда и Оборона (1933-1936 гг.); в расчистке Манежной площади и в реконструкции улицы Горького, которую можно назвать самым последовательным воплощением идей Генерального плана 1935 г. Вся реальная строительная деятельность сосредотачивалась в том центре города, который сформировался еще в 1918 г. Именно поближе к этому центру стремились возвести свои здания различные наркоматы и ведомства, поэтому не случайным был конкурс на проект здания Наркомата тяжелой промышленности.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что реконструкция Москвы не началась с принятием Генплана 1935 г. Строительство многих как выдающихся, так и рядовых зданий началось еще во второй половине 1920-х или в самом начале 1930-х гг. Если строительство 1920-х гг. решало в первую очередь такие насущные проблемы города, как нехватка жилья, конторских помещений, то строительство 1930-х гг. было ориентировано на создание монументального облика города и в большей степени выделялось прежде всего за счет застройки магистралей. Что же касается планировки города, то такие известные и радикальные проекты, как проект Ладовского или Ле Корбюзье, фактически не оказали влияния на разработку плана перепланировки, которая велась в соответствии с традициями еще старой, дореволюционной теории благоустройства городов.

Литература

1. Броневицкая Н.Н., Бочаров Ю.П. Москва – столица советской России // В кн.: «Москва 850 лет» – юбилейное издание в двух томах (под общ. ред. В.А. Виноградова). Том 2. – М.: Издательство АО «Московские учебники», 1996. – С. 61.
2. Сиренко Э.А. План «Новая Москва» – структура и концепция // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. Желанное и действительное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 265.
3. Щусев А.В. Москва будущего // Красная Нива, 1924, № 17. – С. 418.
4. Красин Л.Б. Архитектурное увековечивание Ленина // Известия, 1924, № 31 (2066).
5. Хан-Магомедов С.О. К истории выбора места для Дворца Советов // Архитектура и строительство Москвы, 1988, № 1. – С. 21.
6. Эйгель И. К истории построения и сноса храма Христа Спасителя // Архитектура и строительство Москвы, 1988, № 7. – С. 66.